

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-161-166

ТВОРЧЕСТВО АЛЕНА КАРИМОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ТАТАРСТАНА

© Эльвира Нагуманова

ALENA KARIMOVA'S WORK IN THE CONTEXT OF RUSSIAN- LANGUAGE POETRY OF TATARSTAN

Elvira Nagumanova

Based on the material of translations and original poems by Alena Karimova, the article identifies the characteristic features of the creative method of the Russian-speaking poetess, whose work can become an example of the continuity actualization of two languages and cultures. The purpose of the article is to describe the characteristic features of the creative method of the author, whose poems are an example of acceptance and reflection of the unique features characterizing two cultures. The translations of the Tatar poet Suleyman (Suleymanov Dzhavdet Shevketovich) into Russian allow us to conclude the dialogic relationship between "ours" and "theirs". On the one hand, Karimova's translations are characterized by an adequate transfer of the Tatar poetics into Russian; on the other hand - by their entry into the modern Russian literary context, which leads to a change in the semantic and emotional-evaluative content of Suleyman's works.

Karimova's original work is an example of harmony and complementarity of different cultural layers. The lyrical heroine of the poetess shows involvement both in her native (Tatar) and Russian culture, bearing the features of transcultural consciousness.

In the course of the analysis of the poetess's translations and lyrical works, we concluded that Karimova's original lyrical poetry overcomes different cultural meanings, the poetess's translations become an example of the original work concretization, the transformation of the emotional and semantic component of the text. The article establishes the identification of the poetess's translated works with the forms familiar to Russian literature.

Keywords: Alena Karimova, translation, Russian literature, poetic, transcultural consciousness

В статье на материале переводов и оригинальных стихотворений Алены Каримовой делается попытка обозначить характерные особенности творческого метода русскоязычной поэтессы, чье творчество может стать примером актуализации континуальности двух языков и культур. Цель статьи – описать характерные особенности творческого метода автора, стихи которого являются примером приятия и отражения уникальных особенностей двух культур. Рассмотрение переводов татарского поэта Сулеймана (Сулейманова Джавдета Шевкетовича) на русский язык позволяет сделать вывод о диалогических отношениях между «своим» и «чужим». С одной стороны, переводы Каримовой характеризуются адекватной передачей поэтики татарского стихотворения на русский язык, с другой – вхождением их в современный российский литературный контекст, что приводит к изменению смысловой и эмоционально-оценочной наполненности произведений Сулеймана. Оригинальное творчество Каримовой – пример существования в согласии и взаимодополнительности разных культурных пластов. Лирическая героиня поэтессы проявляет причастность как к родной (татарской) культуре, так и русской, несет в себе черты транскультурного сознания. В ходе анализа переводов и лирических произведений поэтессы сделан вывод о том, что в оригинальной лирике Каримовой проявляется преодоление между разными культурными смыслами, переводы поэтессы становятся примером конкретизации оригинального произведения, трансформации эмоциональной и смысловой составляющей текста. Установлена идентификация переводных произведений поэтессы с привычными для русской литературы формами.

Ключевые слова: Алена Каримова, перевод, русская литература, поэтика, транскультурное сознание

Для цитирования: Нагуманова Э.Ф. Творчество Алены Каримовой в контексте русскоязычной поэзии Татарстана // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 161–166. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-161-166

Многие современные русскоязычные поэты серьезно занимаются переводами с татарского языка на русский. Назовем лишь некоторые имена: Лилия Газизова, Алена Каримова, Вера Хамидуллина. В частности, Л. Газизова отмечает, что «для русскоязычных поэтов перевод становится одной из форм причастности к татарскому языку и татарской культуре» [1, с. 14]. Через переводы происходит возвращение к национальной стихии, к традициям родной (татарской) литературы.

Рассмотрим особенности воплощения феномена культурного пограничья в оригинальных и переводных текстах современной поэтессы Алены Каримовой (Алии Каюмовны Каримовой; род. 1976). Каримова является автором нескольких книг, среди которых стоит выделить «Другое платье» (Казань, 2006), «Холодно-горячо» (Казань, 2015), «Вересковая пустошь» (Москва, 2016), а также многочисленных переводов с татарского языка. В частности, назовем ряд поэтов, чьи стихи переводит Каримова: Радиф Гаташ, Ркаиль Зайдулла, Сулейман, Равиль Файзуллин, Луиза Янсуар и др. Сама Алена Каримова в статье «Перевод как священная обязанность» приходит к той же мысли, что и Лилия Газизова: «...среди переводчиков татарской литературы абсолютное большинство – этнические татары – поэты и писатели, которые сами пишут на русском языке. Это объяснимо, ведь многие из них понимают перевод <...> как некую духовную обязанность перед национальным языком, перед культурой предков» [2, с. 35–36].

Как видно из слов поэтессы, современные русскоязычные поэты стремятся сохранить связь с родной литературой именно через переводы. Причем уровень владения родным, татарским, языком у каждого из поэтов разный. Многие современные переводчики работают с подстрочником, сама Алена Каримова в интервью отмечает, что она – билингв, то есть знает татарский язык, но для общения со своим читателем выбирает русский язык.

Владение родным (татарским) языком позволяет ей создавать переводы, не прибегая к подстрочнику. Большинство ее переводов отличается глубокое проникновение в структуру оригинального произведения, умение подбирать слова и выражения русского языка, наиболее близкие по духу к татарскому стиху.

В данной статье мы обращаемся к двум переводам стихотворения татарского поэта Сулейма-

на (Сулейманова Джавдета Шевкетовича). Причем качество переводов отличается.

Рассмотрим перевод стихотворения Сулеймана «...Ә тормыш – көтүче курае».

«... Ә тормыш – көтүче курае, / Көйли көй көтүләр жасна, / Юк башы бу моңлы көенең, / Гел шулай ағылыр тоела. // Кояшны офыклар йотканда / Жәелгәч жәйләүгә кич-энгәр, / Курай чак хәятыен сагынып, / Учакта сүрелә ут-күмер. // Язмышлар чыбыркы уйната, / Шарт та шырт яңгырый әмерләр. / ... Чыбыркы шартлаудан кыскарак / Язмышка үрелгән гомерләр, / Мәңге дип уйлаган гомерләр...» [3, с. 13]. – «Жизнь – пастуший негромкий курай – / Ублажает мелодией стадо .../ Ни конец ей не виден, ни край: / Будет вечно стремиться куда-то. // Сумрак ночи на пастбище лег, / Солнца диск горизонтом проглочен, Засыпает в костре уголек – / Был кураем – но век его кончен. // А судьбина, кнутом свысока / Громко шелкакая, шлет приказанья. / ... Но короче мгновенья щелчка / Жизнь, сплетенная с ней, оказалась. / Жизнь, что вечной когда-то казалась...» [4, с. 17].

Перевод данного стихотворения наиболее полно передает творческие установки самой Алены Каримовой. По ее мнению, переводчик не должен стремиться «украшать» текст, создавая перевод, а стараться передать на другом языке содержание стихотворения, а также по максимуму сохранять формальные особенности оригинального произведения. Если проследить перевод отдельных строк представленного выше стихотворения Сулеймана, то можно заметить, что некоторые из них переведены практически дословно, добавления и замены отдельных слов и выражений связаны с лексическими и стилистическими особенностями двух языков.

Мотив быстротечности жизни в произведении татарского поэта передается через оборот «чыбыркы шартлаудан кыскарак» («короче щелчка кнута»), в переводе – «но короче мгновенья щелчка». Здесь присутствует характерный для восточного мировосприятия мотив мгновения. Так, А. Шimmel в книге «Мир исламского мистицизма», рассуждая о значении мгновения в суфизме, замечает: «<...> суфия, который полностью ему (времени. – Э. Н.) отдается и принимает посланное Богом, не думая о настоящем, прошлом или будущем, называли *ибн ал-вакт*, сыном этого мгновения» [5, с. 107]. Человек в этом мире погружен в мгновение, миг несет в себе частицу вечного, и достижение «вечного сейчас» становится важным началом в понимании человеческого бытия. Действительно, такое понима-

ние мига-вечности весьма близко Сулейману, которого отличает особый философский взгляд на человека и его существование. Только через приятие отдельных мгновений жизни можно достичь высшего понимания сути мироздания. В переводе этого ощущение значимости мига в жизни индивида, а также ощущение быстротечности жизни передано полностью.

Однако некоторые стихотворения Сулеймана сложны для воспроизведения на русском языке, причины связаны прежде всего с особенным характером мировосприятия татарского поэта. А. М. Галиева и А. А. Аминова в статье «Метафорические образы времени в поэтическом творчестве Сулеймана» пишут «о метаязыковом характере творчества Сулеймана, когда языковое и математическое мышление образуют имманентную систему зависимостей, обеспечивающую органичный переход от формы к содержанию и от содержания к форме» [6, с. 24].

Проиллюстрируем перевод еще одного стихотворения Сулеймана, являющегося посвящением татарскому певцу Хайдару Бигичеву.

«Ап-ак карлар / явып үтте жиргә, / Ак кәфенгә төрөп / сары көзне. / Ап-ак карлар жәеп / эзләренә / Искәрткәндер, ахры, / Тәңре / безне. // Яп-якты Ай / йөзде кичә күктә, / Кичәге Ай / бүген – кара тамчы. / ... Күк катына алды / язмыш-лачын / Көмеш телле / мишәр сандугачын ...» [3, с. 74]. – «Белым-белы пустынные снега... / Окрестности безбрежно-безысходны, / Как будто саван – долги́е шелка – / Окутал тело осени холодной. // ... То знак Господний явлен был с небес, / След Мастера на тонкой ткани снега... // Еще вчера луна – фонарь чудес – / Светилась счастьем в темном лоне неба... / А вот теперь как черная дыра, / Как будто капля с негатива жизни, / Висит она, печальна и стара, / Беззвучной тенью над землей отчизны... // Но соловья серебряное пенье / Вплело в века звучание мгновенья...» [4, с. 83].

Стихотворение на татарском языке весьма лаконично, буквально в четырех предложениях передается глубина трагедии человека, потерявшего близкого. Контрастность проявляется на цветовом и звуковом уровнях. В первой строфе преобладает белый цвет, во второй – на смену белизне и чистоте приходит чернота. Этот цвет символизирует глубокую печаль, затаившуюся в душе автора.

У Сулеймана на первый план выходят приметы предметной реальности, которые позволяют ему уходить от привычных штампов и хрестоматийных метафор. Образная система его произведения тяготеет к семантической многослойности, это приводит также к потенциальной возможности разных интерпретаций стихотворения. Татарский литературовед Т. Галиуллин подчерки-

вал, что «важнейшее свойство творчества поэта – метафоричность» [7]. Сулейман в стихотворениях создает удивительные по глубине и философской наполненности метафорические образы, не перегруженные описанием, но требующие от читателя активной творческой установки. Понять многие произведения татарского поэта с первого прочтения сложно, потому что он избегает открытых установок, его поэтическая мысль завуалирована.

Выделим ряд особенностей стихотворения Сулеймана «Ап-ак карлар». Поэт отбрасывает все лишнее, сосредоточиваясь лишь на значимых моментах («Ап-ак карлар / явып үтте жиргә, / Ак кәфенгә төрөп / сары көзне». – «Белые снега / покрыли землю / в белый саван / закутывая желтую осень» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Э. Н.)), образы, созданные Сулейманом, не перегружены описанием («Кичәге Ай / бүген – кара тамчы». – «Вчера месяц / сегодня – черная капель»), в то же время они подталкивают читателя к сотворчеству. Поэт наделяет небеса признаком тверди («Күк катына алды». – «Забрала в твердь небесную»), что в принципе соответствует религиозным представлениям.

Многие переводчики, сталкиваясь с неповторимыми метафорами Сулеймана, с его уникальным идиостилем, упрощают его стихи, делают их открытыми для читателей. Этого не избежала и Каримова. Как раз перевод этого стихотворения вновь позволяет нам вспомнить о непереводимом в переводе.

В свое время Наталия Автономова, рассуждая о европейском «Словаре непереводимостей», писала: «... столкновение с непереводимым мобилизует силы и позволяет <...> переходить ко все более тонкой рефлексии – по поводу текста, сопротивление которого мы чувствуем, и по поводу собственной работы с текстом, ее приемов и операций» [8, с. 623]. Именно «столкновение с непереводимым» дает возможность переводчику в полной мере проявить талант интерпретатора, ведь непереваемость прежде всего связана с областью ментального, с индивидуальным созданием переводимого поэта. Как раз непереваемое может выступать в роли одного из ключевых терминов, обозначающих национальную идентичность.

Алена Каримова продемонстрировала свое прочтение данного стихотворения и свое уникальное образное мышление. Каждая строка оригинала приобретает дополнительные смыслы: простая констатация того, что выпал снег, который будто саваном укутал осень, превращается в развернутую поэтическую мысль (к примеру,

«Белым-белы пустынные снега.../ Окрестности безбрежно-безысходны»).

Интересна интерпретация последней строфы переводчиком: за счет добавления отдельных выражений «луна – фонарь чудес», «капля с негатива жизни», «печальна и стара», «беззвучной тенью» происходит расширение внутреннего пространства текста на русском языке. Прежде всего подобное наполнение внутренней структуры стиха татарского поэта нарушает гармонию между ее частями. Стих Сулеймана, отличающийся лаконичностью и емкостью образов, «расплывается», он обретает новое звучание на языке перевода. Такой перевод приводит к появлению произведения на русском языке, обладающего не меньшей поэтической силой, чем оригинал, однако весьма далекого от стихотворения Сулеймана, и по нему мы не можем судить о поэтике татарского автора.

Представленные примеры переводов Каримовой позволяют подчеркнуть, что перед нами поэт, обладающий своим неповторимым голосом, способный создавать произведения, не уступающие по силе воздействия на читателя от оригинала. Переводчик не боится экспериментировать, ее стихотворения на русском языке обладают не меньшей поэтической ценностью, чем оригиналы.

Обратимся к оригинальной лирике Алены Каримовой.

К творчеству Алены Каримовой возможен подход с позиции транскulturации. Как отмечает М. В. Тлостанова, транскulturация «основывается на культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, но не сливаются...» [9, с. 8]. Уже в переводах мы могли видеть взаимодействие двух типов культур в творческом сознании поэтессы.

У Каримовой, в отличие от Равиля Бухараева, которого она называет своим учителем, нет тех мучительных переживаний о собственной идентичности, о которых неоднократно писали исследователи (в частности, В. Р. Аминева и А. Ф. Галимуллина). В ее стихах уживаются два мира: христианский и мусульманский, о чем говорят строки из самих стихотворений. Приведем лишь некоторые:

«Боже ты мой, забирай слова – / кому этот шум зачем. / Казань-река и река Москва / вписались в сплетенье схем» („Боже ты мой...“) [10, с. 46]. – «Ведь легко на уровне Эвереста / затеряться в небе под Рождество („Как безмозглая рыба...“»)» [Там же, с. 77].

Сборник «Вересковая пустошь» открывает стихотворение под названием «Кереметь». Кереметь – это священная роща народов Поволжья (марийцев, чувашей, мордвы (эрзя и мокши)). Стихотворение проникнуто духом язычества («бродят в деревне мертвых / духи священной рощи»), а завершается мыслью о необходимости найти путь к свету: «духи священной рощи, / в сущности, просто души, / души людей, которых / так никто и не спас» [Там же, с. 9]. Этот свет несет в себе религия, не важно, какая конкретно, но она выводит язычников к спасению.

Но вот еще один сборник – «Другое платье» – и стихотворения, посвященные бабушке («Моей давани», «Жизнь забывается помаленьку»). В стихотворение («Моей давани») лексемы «давани», «балам», «зур рахмат» включены как маркеры родной культуры. Как и у других русскоязычных поэтов (к примеру, Альбины Абсаямовой, Лилии Газизовой), родное пространство ассоциируется с образом бабушки.

Стихотворение «Моей давани» пронизано чувством одухотворенности от соприкосновения с тем светом, который исходит от близкого человека. Давани выступает в окружении примет реального быта, поэтому и те вопросы, которые внучка не успела задать ей, кажутся самыми простыми: «сколько надо картошин в суп», «где вернее брод через речку глупую Черемшан?». Образ бабушки неотделим от реалий деревенской жизни со своими знаковыми приметами (озеро, кузовок с ягодами, коза и пр.). Причем бросается в глаза то, что многие современные русскоязычные поэтессы связывают образ бабушки с бытом. Так, к примеру, представлен рай в стихотворении Альбины Абсаямовой:

«В раю мне тринадцать. Там бабушка варит плов...» [11].

Слова *эби*, *дәү эни* в сознании татарского народа тесно связано с образом Ак эби (белая (чистая) бабушка) – героиней повести А. Еники «Невысказанное завещание». Этот архетипический образ в татарской литературе символизирует единство с родом, нацией. Молодые поэтессы это улавливают и отражают в стихах, причем стараясь акцентировать внимание на связи поколений. В посвящении бабушке Алена Каримова соединяет четыре поколения семьи: бабушка (давани), сама лирическая героиня, ее мать, сын, у которого уже своя давани, и слова благодарности звучат в адрес той, которая их окутывала своим теплом и любовью («Дорогая, это и есть семья? / Зур рахмат. Спасибо тебе за них») [12]. В этом стихотворении бросается в глаза то, что

поэтесса сначала произносит слова благодарности на татарском языке, затем на русском. Иначе быть не может, если она посвящает произведение своей бабушке.

Так подчеркнуто единство рода и неиссякаемость связи между разными поколениями. Причем связь нации сохраняется за счет того, что память хранит самые лучшие страницы прошлого и формирует незабываемое пространство родной культуры. Поэтесса создает особый микрокосм, объединяющий ее близких, и в нем гармонично существует сама лирическая героиня. Это пространство несет в себе приметы татарской ментальности. «Татарскость» передается и через использование отдельных слов: «балам», «давани», «зур рахмат». Именно бабушка является хранительницей духовной культуры мусульманского мира, поэтому лирическая героиня стихотворения «Жизнь забывается помаленьку» и восклицает: «я научусь» «дом возвести на любых руинах» [Там же], как бабушка. Связь поколений не нарушена, поэтому ей удастся это сделать, также удастся передать сыну заветы «своей давани». В этом стихотворении воспоминания о бабушке поэтесса связывает с приметами реального исторического времени, в ее снах бабушка молода и на дворе 1905 год. Поэтому и важна параллель между лирической героиней и человеком, перенесшим на плечах тяготы революций и войн, отсюда и сомнения по поводу собственных возможностей, так как мы «из другой – бестолковой – глины».

Как видно из приведенных примеров, русскоязычная поэтесса свободно вмещает в себя две культуры. В переводческой практике ею выдержаны те принципы, о которых она писала в статье «Перевод как священная обязанность» [2, с. 37]. Прежде всего это касается поэтического таланта переводчика и знания в совершенстве языка, с которого осуществляется перевод, и языка принимающей культуры. Поэтому большинство ее переводов татарской лирики отличается близостью к оригиналу. Что касается отклонений от стихотворений Сулеймана, это можно объяснить сложностью передачи на русском языке стиля поэта, обладающего особым абстрактным математическим мышлением. Переводчик вынужден вступать в сотворчество с татарским поэтом, расширяя возможности диалогической природы художественного текста. Переводы Каримовой представляют собой не только «сотворчество понимающих» (М. М. Бахтин), они являются примерами погружения в стихию родного языка, нахождения потенциальных возможностей в стихии родной культуры. Переводческая интенция развивается в направлении

большей индивидуализации сознания лирического субъекта. Переводы Каримовой иллюстрируют разные варианты синтеза «своего» и «чужого» в процессе вхождения татарской лирики в российский литературный контекст.

Оригинальное же творчество А. Каримовой несет в себе приметы транскультурного художественного сознания, она включает в тексты маркеры русской и татарской культур, которые взаимодействуют в рамках художественного целого, но не смешиваются. Примеры, взятые из ее стихов, подтверждают эту мысль. Современная поэтесса свободно ориентируется в пространстве русской и родной (татарской) культур, большинство ее лирических произведений построены на «курсировании» между разными культурными традициями.

Список источников

1. Газизова Л.Р. Лирика Г. Тукая в переводах на русский язык: история и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 22 с.
2. Каримова А. Перевод как священная обязанность // Казанский альманах. 2014. № 12. С. 34–43.
3. Сөләйман. Вакыт касәсе: Поэма һәм шигырьләр. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2014. 111 с.
4. Сулейман. Знаки времен: Поэма и стихи. Казань: Магариф-Вакыт, 2014. 127 с.
5. Шиммель А. М. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. М.: Алетея, Энигма, 2000. 416 с.
6. Галиева А. М., Аминова А. А. Метафорические образы времени в поэтическом творчестве Сулеймана // Филология и культура. Philology and culture. 2020. № 2 (60). С. 18–26.
7. Галиуллин Т. Шагыйрь Жәүдәт Сөләйманның ижат портреты. URL: <http://www.kazanutlary.ru/publichistika/item/691-s%D3%A9%D3%99uman> (дата обращения: 14.04.2023).
8. Автономова Н. С. Познание и перевод: опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 702 с.
9. Глостанова М. В. Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 2 (12). С. 5–16.
10. Каримова А. Вересковая пустошь. Сборник стихотворений. Казань, 2016. 80 с.
11. Абсальмова А. Стихи. URL: <http://absalyamova.ru/article/58/> (дата обращения: 12.04.2023).
12. Каримова А. Другое платье: Стихи; предисл. Р. Бухараева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 127 с. URL: <https://tatkniga.ru/upload/oldbook/pdf/2343.pdf>

References

1. Gazizova, L. R. (2022). *Lirika G. Tukaya v perevodakh na russkii yazyk: yi poetika: avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk:10.01.02* [Lyrical Poetry of G. Tukay in Translations into Russian: History and

Poetics: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 22 p. (In Russian)

2. Karimova, A. (2006). *Drugoe plat'e: Stikhi; predisl. R. Bukharaeva* [Another Dress: Poems]. 127 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. URL: <https://tatkniga.ru/upload/oldbook/pdf/2343.pdf>. (In Russian)

3. Suleiman (2014). *Vakyt kasase: Poema Ham shigyr'lar* [The Cup of Time: A Poem and Verses]. 111 p. Kazan, Məgarif-Vakyt. (In Tatar)

4. Suleiman (2014). *Znaki vremen: Poema i stikhi* [Signs of the Times: A Poem and Verses]. 127 p. Kazan', Magarif-Vakyt. (In Russian)

5. Shimmel', A. M. (2000). *Mir islamskogo mistitsizma* [The World of Islamic Mysticism]. Per. s angl. N. I. Prigarinoi, A. S. Rappoport. 416 p. Moscow, Aletheia, Enigma. (In Russian)

6. Galieva, A. M., Aminova, A. A. (2020). *Metaforicheskie obrazy vremeni v poeticheskom tvorchestve Suleimana* [Metaphorical Images of Time in the Poetic Work of Suleiman]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (60), pp. 18–26. (In Russian)

7. Galiullin, T. *Shagyr' Jəydət Sələimannıñ içat portrety*. [A Creative Portrait of the Poet Javdet

Suleymanov]. URL: <http://www.kazanutlary.ru/publichistika/item/691-s%D3%A9%D3%99yman> (accessed: 14.04.2023). (In Tatar)

8. Avtonomova, N. S. (2008). *Poznanie i perevod: opyty filosofii yazyka* [Cognition and Translation: Experiences of the Philosophy of Language]. 702 p. Moscow, ROSSPEN. (In Russian)

9. Tlostanova, M. V. (2006). *Transkul'turatsiya kak novaya epistema epokhi globalizatsii* [Transculturation as a New Episteme of the Era of Globalization]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. No. 2 (12), pp. 5–16. (In Russian)

10. Karimova, A. (2016). *Vereskova pustosh'. Sbornik stikhotvorenii* [The Heath. Collection of Poems]. 80 p. Kazan'. (In Russian)

11. Absalyamova, A. *Stikhi* [Poems]. URL: <http://absalyamova.ru/article/58/> (accessed: 12.04. 2023). (In Russian)

12. Karimova, A. (2014). *Perevod kak svyashchennaya obiazannost'* [Translation as a Sacred Duty]. *Kazanskii al'manakh*. No. 12, pp. 34–43. (In Russian)

The article was submitted on 09.06.2023

Поступила в редакцию 09.06.2023

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ehlviran@yandex.ru

Nagumanova Elvira Firdavilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ehlviran@yandex.ru